

Экономические реформы и развитие производства в России

В последние годы Россия переживает один из самых драматических периодов своей истории. Рухнул тоталитаризм — коммунистический режим. Величайшая из когда-либо созданных империй Советский Союз — главный продукт этого режима — распалась на 15 независимых государств. Сошла с исторической арены Коммунистическая партия Советского Союза — орденоносцев в XX в., объединивший все функции управления во имя поддержания власти невиданного доселе партийного, хозяйственного и идеологического аппарата во главе с горсткой людей, обладавших огромной, всепроникающей и бесконтрольной властью над народом.

Исчерпала себя, доказав свою полную неэффективность, командно-распределительная социалистическая экономика, основанная не на реальной мотивации трудовой активности, а скорее на идеологических и националистических критериях, выдаваемых аппаратом за великую цель всей нации. Замедление темпов роста и кризис такой экономики были неизбежными. С конца 1970-х годов начался спад производства, т. е. реальный экономический кризис.

Социалистическая экономика производила огромное количество неконкурентоспособных, низкокачественных продуктов на гигантских по размерам предприятиях и платила всем работникам заработную плату на **уравнительной** основе независимо от результатов трудовой деятельности. В таком качестве

она устраивала огромные массы людей, не знакомых с реальной культурой труда и его мотивацией.

Естественно, что уход в небытие столь могучих сил породил не только вакуум, но и мощные, часто слепые центробежные сепаратистские силы, способные развалить и саму Россию. Именно в этих условиях в стране начались реальные экономические реформы как главная гарантия удаления от коммунистического прошлого, перехода от тоталитаризма к демократии, от казарменного распределения продуктов и доходов к реальной рыночной и денежной системе.

Реальные экономические реформы в России начались в январе 1992 г. с освобождением от государственного контроля большинства розничных и оптовых цен, сопровождались неизбежным падением жизненного уровня населения, усилением экономического кризиса и вызвали у многих поначалу впечатление шока. И поскольку экономические реформы запоздали и проводились в условиях заметно продвинувшейся политической эмансипации и демократизации общества, гласности и непривычного для страны плюрализма мнений, становления новых политических движений и партий, они вызвали огромный резонанс в обществе. Спрятанный в бутылку и закупоренный коммунистическим режимом джинн политической свободы вырвался наружу и стал гулять по огромным просторам страны, подогревая страсти и сталкивая мнения и предпочтения разных людей, противопоставляя их друг другу.

Естественно, что в таких условиях обострение политической борьбы стало неизбежным. К сожалению, по ряду историко-культурных и национальных причин она приняла нецивилизованные, деструктивные формы. В 1992—1993 гг. образовалось двоевластие, принцип разделения властей был нарушен, возник блок консервативных, прокоммунистических и реваншистских сил, который привел к кровавому путчу в октябре 1993 г. Организаторы путча устроили кровавые побоища на улицах Москвы, что и закончилось расстрелом парламента.

Теперь уже ясно, что экономические реформы 90-х годов в России шли намного сложнее и противоречивее, чем в посткоммунистических странах ЦВЕ и Балтии. Начало реформ совпало с развалом СССР и СЭВ, усилившимися дезинтеграционными процессами в самой России, ликвидацией станового хребта бывшей советской империи — КПСС, резким ухудше-

нием экономического положения в стране к концу 1991 г. Естественно, что в этих условиях реформы в России могли осуществляться лишь радикальным, а не постепенным путем. Бывшая партийно-хозяйственная номенклатура и силы истинных приверженцев антирыночной, марксистско-ленинской идеологии были деморализованы, иначе бы они не позволили поставить под сомнение "ценности" "реального социализма", создававшегося в стране более 70 лет.

Переход от сверхцентрализованной командной к рыночной экономике в российских масштабах *исторически беспрецедентен* и крайне сложен. По своей сути он должен быть полным, последовательным и охватывать не только макро-, но и микро-уровни всей экономической системы. Здесь необходимы решительная политическая воля к рыночным преобразованиям, широкое и твердое индикативное государственное регулирование в интересах этих преобразований и соответствующая помощь Запада.

Обычно принято говорить о внутренних трудностях и тяжелом наследстве, тормозящих ход экономических реформ в России. Но не надо забывать и о благоприятных факторах. К их числу относятся огромный ресурсный, производственный и научно-технический потенциал страны, образованное население, поддержка со стороны Запада, а также то историческое обстоятельство, что в процессе рыночного реформирования экономики Россия уже сменила несколько команд реформаторов, наблюдая их ошибки, и идет вслед за странами ЦВЕ и Балтией, учась на их ошибках тоже.

12.1. Исторические рамки проблемы

С исторической точки зрения экономические реформы в нашей стране в послевоенный период полезно рассматривать как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле экономические реформы в бывшем Советском Союзе имеют долгую историю. Даже если оставить в стороне нэп, введенный в 1921 г., сразу же после смерти Сталина в стране заговорили о необходимости уделять больше внимания личному потреблению, пересмотру народно-хозяйственных пропорций в пользу производства предметов потребления, подъему сельского хозяйства и смягчению жесткости директивного централизо-

ванного планирования (за эти идеи вскоре некоторые советские экономисты получили прозвище "горе-экономисты"). Характерны в этом отношении сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК партии и реформы отраслевого управления 1957 г., когда были ликвидированы почти все отраслевые министерства и созданы 105 территориальных органов управления — совнархозы. Это была попытка как-то скорректировать работу жесткого командно-распределительного, сверхцентрализованного механизма управления экономикой, созданного в 30-х годах.

Все это не дало ожидаемых результатов, но начавшиеся попытки реформ породили в первой половине 60-х годов широкие дискуссии по экономическим вопросам, которые привели к более продвинутой хозяйственной реформе 1965 г. (так называемой косыгинской). В соответствии с этой реформой были воссозданы отраслевые министерства, сокращено число обязательных плановых показателей, произошли изменения в системе ценообразования, появилась небольшая финансовая самостоятельность предприятий, введены некоторые элементы рыночного механизма.

Реформа 1965 г. оказала благоприятное влияние на развитие советской экономики, на короткий срок привела к ускорению темпов экономического роста. По официальным данным, произведенный национальный доход в 1966—1970 гг. возрастал в среднем за год на 7,8%; продукция промышленности — на 8,5; продукция сельского хозяйства — на 4,4%. (Для сравнения: в предыдущем пятилетии, в 1961—1965 гг., произведенный национальный доход возрастал в среднем за год на 6,5%; продукция промышленности — на 8,6; продукция сельского хозяйства — на 2,3%.) Эффект этой реформы был недолгим, и темпы экономического роста в следующем пятилетии заметно снизились. Они составили в 1971—1975 гг. по национальному доходу — 5,7%; по продукции промышленности — 7,4; по продукции сельского хозяйства — 0,8% в год.

В июле 1979 г. было принято совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об улучшении планирования и совершенствовании экономического механизма для повышения эффективности производства и качества работы. Постановление можно интерпретировать как новую попытку реформ, хотя и менее решительную и важную, чем в 1965 г. Главные цели этого документа заключались в усилении ответ-

ственности всех звеньев управления, повышении эффективности капиталовложений путем предоставления государственным предприятиям большей финансовой самостоятельности, усилении материального стимулирования для выполнения плана посредством более тесной увязки оплаты с результатами труда, увеличении доли прибыли, остающейся в распоряжении предприятий, использовании значительной ее части в качестве поощрительных фондов, замене множества обязательных плановых показателей тремя — производительностью труда, качеством продукции и уровнем выполнения плановых поставок.

Характерно, что, ощущая *полную неэффективность* и бесперспективность плановой, командной, распределительной экономики, руководители бывшего Советского Союза не ставили прямо вопрос об отказе от планирования, о необходимости ориентации производства на спрос. Предлагалось лишь частичное, дозированное и под неусыпным их контролем введение некоторых элементов рыночной экономики в плановую. Именно тогда развернулась интересная дискуссия между "рыночниками" и "антирыночниками" в условиях социалистической экономики. Об отказе от социализма практически никто и не помышлял.

В первой половине 80-х годов были введены новые правила в практику хозяйственного развития. Они включали:

- усиление банковского контроля над финансами;
- более реалистичную процентную ставку;
- акцент на использование банковского кредита вместо бюджетных субсидий;
- расширение прав местных органов власти в использовании земли, трудовых ресурсов, в производстве потребительских товаров, в защите окружающей среды, в проведении строительных работ и т. д.

Однако реального перехода к рынку не было. Отраслевые министерства и Госплан продолжали держать предприятия в жестких руках административного подчинения и директивных плановых заданий. Экономика работала не на реальный платежеспособный спрос, а на заданные "сверху" показатели, и поэтому ежегодно производилось огромное количество ненужной продукции, которая частично уничтожалась.

В конце 70-х — начале 80-х годов у России была абстрактная возможность пойти по пути Китая и, начав с сельского хозяйства, даже в рамках агонизирующей социалистической

системы проводить крупные и более комплексные рыночные реформы. Тогда политическая ситуация в стране, порядок и дисциплина были намного лучше, чем в 90-х годах. Но престарелые советские руководители не были столь дальновидными, как китайские, и выбрали путь мелких и частичных попыток реформ, которые не смогли изменить традиционный экономический механизм, ибо не затрагивали базовых принципов административно-командной системы. (Китайские руководители такие принципы затронули, но строго отгородили реформационные процессы конкретными районами и отраслями при сохранении командно-распределительной тоталитарной системы.)

Экономическое содержание реформ в бывшем СССР носило не столько половинчатый, сколько косметический характер. Видимость преобладала над сущностью. Более того, весь аппарат административно-командной системы был сохранен, а он сопротивлялся даже слабым попыткам что-либо изменить в командно-распределительной экономике.

Тем не менее известный советский дипломат О. Трояновский в своих воспоминаниях высоко оценивает деятельность А.Н. Косыгина, под руководством которого предпринимались попытки реформирования советской экономики в 1965 и 1979 гг. Он писал, что если бы Косыгин, а не Брежнев стал первым человеком в государстве, то страна пошла бы по пути реформ, продуманных и хорошо обоснованных.

Но наиболее важные экономические реформы (речь идет о реформах в широком смысле) в бывшем Советском Союзе имели место во второй половине 80-х годов при М.С. Горбачеве. И хотя они проводились в тех же рамках "рыночного социализма", но по сравнению со всеми предыдущими попытками были *наиболее продвинутыми и далеко идущими*. Горбачевский период отличался прежде всего не экономическими, а политическими реформами, которые рассматривались как база для первых. Горбачев серьезно подорвал советскую тоталитарную систему, всеобъемлющую власть одной партии — КПСС, официальную государственную идеологию — марксизм-ленинизм, выдававшуюся официальной пропагандой за науку всех наук, сделал решающие шаги в направлении развития гласности, подлинной демократии, дал возможность специалистам показать всю порочность и бесперспективность сохранения централизованной планово-распределительной экономической системы.

В экономических реформах Горбачева необходимо отметить следующие вехи.

В феврале 1986 г. XXVII съезд КПСС призвал к перестройке всей системы управления в сфере экономики, которая предусматривала:

- сосредоточение Госплана СССР на стратегических целях и задачах экономического развития;
- трансформацию государственных предприятий и ассоциаций в гибкие, самофинансирующиеся организации на базе так называемого полного хозрасчета;
- упор в управлении на экономические рычаги и стимулы;
- перестройку систем снабжения, ценообразования, финансов и кредита.

Съезд дал "зеленый свет" развитию кооперативной и частной собственности в стране.

В ноябре 1986 г. был принят Закон об индивидуальной (частной) деятельности. В нем отмечались 29 форм индивидуально-трудовой деятельности, среди которых наконец-то нашлось место и для частных предприятий. В июне 1987 г. был принят Закон о государственном предприятии (ассоциации). В 25 статьях Закона изложены права и обязанности государственных предприятий. Главное, что предусматривалось в Законе, — финансовая самостоятельность предприятий, их ответственность за производство, реализацию собственной продукции и использование полученного дохода. Специально подчеркивалась роль конкуренции, необходимость банкротств несостоятельных предприятий, подчиненность указаниям государственного плана. Но по существу экономика строилась по принципу: разрешается все, что не запрещено. Взаимоотношения между государственными предприятиями и министерствами определялись в Законе по следующим направлениям: ориентация на показатели государственного плана (теперь уже необязательные), государственные заказы, стабильные долгосрочные нормативы и лимиты (коэффициенты капиталоемкости и материалоемкости и т. д.). Помимо этого предприятия должны были заключать между собой договоры в целях лучшего выполнения планов и обмена произведенной сверх плана продукцией.

В июне 1988 г. был принят Закон о кооперативах. Он определил экономические, социальные, организационные и правовые условия функционирования кооперативов. По Закону

кооперативы — независимые организации граждан, объединившихся для осуществления экономической и других видов совместной деятельности на базе принадлежащей им или арендуемой у государства собственности. В соответствии с Законом кооперативы являются экономически независимыми, самоуправляющимися и самофинансирующимися организациями. Для их создания требуется всего лишь согласие местного органа власти.

В итоге принятия названных, выше законов предприятия получили значительную свободу и права в распоряжении своими доходами, поисках поставщиков сырья и покупателей возросшей части своей продукции. Концепция "полного" хозрасчета в условиях **рыночного социализма** получила наконец свое наиболее широкое воплощение, что не было сделано в 1965 и 1979 гг.

Эти законодательные акты *серьезно подорвали централизованную плановую систему*, однако не стали реальным шагом на пути к рынку. Реалии оказались далекими от намерений. Предприятия, получив самостоятельность, все свои доходы обратили на прирост заработной платы, а не на инвестиции. В результате экономическое положение в стране не улучшалось, спад производства реально продолжался, инфляция получила дополнительный импульс, дестабилизация общественной жизни и экономики усилилась. Партийная номенклатура раскололась на две части: одна требовала возврата к старой дисциплине, жесткому централизованному планированию, другая выступала за продолжение реформ на более радикальной основе. В начале 1990 г. было принято решение о проведении реформы партии и конституционной реформы, но практически в этом направлении ничего не было сделано.

В 1989—1990 гг. была принята программа регулируемой рыночной экономики Рыжкова—Абалкина, сориентированная на создание "социалистического" рынка в рамках "социалистического выбора" при сохранении командно-административного государственного вмешательства в экономику в условиях централизованного планирования.

Программа регулируемой рыночной экономики характеризовалась следующими основными чертами:

- разнообразие форм собственности, их равенство перед законом, поощрение конкуренции между ними;

- использование рынка как главного инструмента координации деятельности производителей, развитие не только рынка товаров и услуг, но и рынков труда и капитала;
- макроэкономическое регулирование народного хозяйства посредством экономических рычагов и стимулов, индикативного планирования;
- оплата труда строго в соответствии с реальными результатами.

Второй съезд народных депутатов СССР принял эту программу в конце 1989 г. Ее практическая реализация предусматривала две стадии: в 1990—1992 гг. ликвидировать бюджетный дефицит, несбалансированность потребительского рынка, провести налоговую реформу и реформу ценообразования; в 1993—1995 гг. создать рынок в условиях сохранения государственного плана, изменить структуру собственности.

Программа Рыжкова—Абалкина была более радикальной, чем реформаторские попытки в 1987 и 1988 гг., тем не менее она также исходила из утопического желания улучшить, перестроить социализм; ее адепты не понимали, что наш застарелый социализм в принципе перестраивать было бессмысленно, ибо он вместе с лежащей в его основе идеологией органически не вписывался в рамки эффективной рыночной экономики.

По оценке Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК), реформы Горбачева стали пятой по счету попыткой в послевоенные годы реформировать советскую экономическую систему, и она в очередной раз провалилась. У Горбачева тоже была историческая возможность осуществить постепенный переход к рынку: сначала по-китайски, т. е. по пути создания двухсекторной экономики с постепенным вытеснением государственного сектора за счет динамично развивающегося частного, а затем по пути использования внешних кредитов в целях смягчения социальных последствий реальных рыночных и системных преобразований в стране.

Однако оба пути, предлагавшиеся разными специалистами, были проигнорированы. Горбачев, проводя важные демократические преобразования и политическую перестройку, практически не осуществлял никакой серьезной экономической реформы и, более того, принципиально выступал против приватизации государственной собственности.

Пожалуй, *самой ранней* программой реформ для М.С. Горбачева была программа, предложенная в 1987 г. Н.П. Шмелевым в его работе "Авансы и долги"¹. Автор предложил начать реформы с сельского хозяйства, с насыщения потребительского рынка, с реального развития частной инициативы в мелком и среднем бизнесе, занять на эти цели на Западе 10—15 млрд долл. Это был мягкий, щадящий вариант реформы, но и он не был принят. Не была поддержана и знаменитая рыночная программа "500 дней" С. Шаталина и Г. Явлинского (о ней речь впереди). К концу своего пребывания у власти Горбачев практически покинул стан демократов, стал поддерживать консерваторов, испугавшись коренных институциональных преобразований в стране. Своих бывших союзников — демократов он стал называть "господами демократами".

Проводя перестройку, Горбачев и не мыслил ее как переход к капитализму. Его "новое мышление" витало вокруг "совершенствования социализма", "более полного использования его (социализма. — В.К.) преимуществ", активизации "человеческого фактора" и ничего реального не дало. Это была серьезная политическая и историческая ограниченность, которая вскоре определила судьбу Горбачева.

Более того, горбачевская перестройка, давшая важные плоды в деле расшатывания тоталитарной советской системы, в проведении необходимых политических преобразований, в сфере экономики оказалась связанной с грубыми, порой непростительными просчетами:

- резким увеличением бюджетного дефицита, денежной эмиссии, приведшим к ускорению инфляции;
- непродуманной антиалкогольной кампанией, осуществленной типично административными методами и обусловившей резкое сокращение доходов бюджета;
- кампанией "ускорения" экономического развития на базе НТП, причинившей ущерб потребительскому потенциалу населения в результате искусственного нагнетания инвестиций в машиностроение;
- резким сокращением золотого запаса страны;
- чрезмерным ограничением кооперативной и индивидуально-трудовой деятельности;

1 Шмелев Н. Авансы и долги. М.: Международные отношения, 1996.

- повышением закупочных цен на сельхозпродукцию при фиксировании розничных цен на продовольствие, что привело к увеличению дотаций и стало одной из причин роста бюджетного дефицита;
- распространением хозрасчета на отдельные территории, в результате чего последние перестали платить налоги в общегосударственную казну;
- всеобщим переходом на бартер и ограничением на вывоз товаров с отдельных территорий;
- резким увеличением задолженности страны Западу.

Отрицательно повлияли на экономику страны в горбачевские времена такие факторы, как падение мировых цен на нефть, Чернобыльская катастрофа, землетрясение в Армении, забастовки шахтеров, этнические конфликты и национальный сепаратизм.

Но главное заключалось в том, что социалистическая экономика к этому времени уже полностью себя изжила, доказав *абсолютную неэффективность* в результате отсутствия реальной мотивации трудовой активности, огромного перерасхода всех видов ресурсов в производстве. Парадокс в том, что марксизм, считая развитие производительных сил мотором общественного прогресса, на практике привел к их расточению, крайне неэффективному использованию, перенакоплению всех видов ресурсов. Лень и имитация работы стали нормой советской трудовой "этики". Замедление темпов роста, начавшееся еще в конце 50-х годов и перешедшее с конца 70-х годов в спад производства, т. е. в реальный экономический кризис, который был лишь усилен горбачевской перестройкой, явилось закономерным результатом исторического процесса в стране.

Как уже отмечалось, сталинская модель хозяйствования, созданная в бывшем Советском Союзе, могла давать частичный эффект лишь на короткое время, но в долгосрочной перспективе, а точнее, на постоянной основе она была абсолютно неэффективной. Реализация этой модели вела к изоляции Советского Союза от мирового рынка, от НТП, к производству некачественной и неконкурентоспособной продукции (не говоря уже о том, что выпускаемая продукция была далека от современных требований и моды), к изменению структуры "социалистического производства". В конечном счете она себя исчерпала и провалилась.

Однако М. Горбачев не понял того, что разрушение советской тоталитарной общественной системы должно быть неразрывно связано с целенаправленной сменой сталинской модели хозяйствования. В первые годы своего правления он ввел по образцу своих предшественников, ратовавших за преимущественный рост производства средств производства, *программу "ускорения"* на базе стимулирования роста машиностроения. Лишь потом жизнь заставила его сделать некоторые шаги в сторону рынка. Но до последних дней в качестве руководителя СССР он был против частной собственности, против ликвидации централизованного планирования, против земельной реформы.

Конечно, командно-распределительная, административная, централизованно планируемая экономика пустила в стране глубокие корни. Были созданы гигантские промышленные и сельскохозяйственные предприятия-монополисты, экономические динозавры, которые могли вписываться только в натуральное хозяйство, в самообеспечивающееся производство, но не в рынок. Не было создано нормальной производственной инфраструктуры, ибо вложения в нее не приносили ускорения темпов развития, не существовало ни частных банков, ни кредита, была уничтожена наиболее работоспособная часть российского крестьянства — кулаки. В течение многих десятилетий запрещалось частное предпринимательство, все брало на свои плечи государство, которое не могло справиться с непосильными задачами и решало их по-своему: не экономическими, а казарменными и бюрократическими методами. Рубль не был конвертируемым, почти вся торговля осуществлялась по административным, а не рыночным ценам, владение твердой валютой запрещалось.

Все эти факты свидетельствовали о том, что переход к рынку в России будет неизбежно долгим и болезненным. Отход от рынка потребовал нескольких поколений, полный переход к нему займет не меньше времени. Естественно, что отход от плановой системы неизбежно ввергает страну в состояние болезненной трансформации. Но этот переходный период надо пройти, чтобы встать на торный путь цивилизованного развития, с которого страна сошла на достаточно продолжительный срок.

Перестройка, объявленная и практически начатая М. Горбачевым, была подготовлена либерально-демократической частью

партийной элиты СССР, которая осознала неэффективность и в конечном счете историческую обреченность "реального социализма", созданного в СССР, и его экономики. Оппозиционные настроения стали довольно широко, хотя и негласно, распространяться в стране еще со времен брежневского застоя и довольно определенно проявляться в годы правления Ю. Андропова. Не случайно в это время на самом верху политической власти рассматривались варианты наиболее мрачных прогнозов, вплоть до развала общественной системы и распада страны. По существу приход М. Горбачева с его перестройкой в известной мере был подготовлен Ю. Андроповым.

В узком смысле экономические реформы начались в России лишь в 1992 г. под руководством Б. Ельцина и Е. Гайдара. Именно эти реформы следует считать реальными, призванными создать не отдельные элементы рынка в чуждой ему среде, а подлинный рынок товаров и услуг, рынок капитала и рабочей силы с присущим ему механизмом конкуренции, а также естественную замену тоталитарной общественной системы цивилизованной, демократической, рыночной.

Однако и ельцинско-гайдаровские экономические реформы также были связаны с серией крупных ошибок и просчетов. Это и кризис платежей, и некомплексность и непоследовательность в проведении реформ, и слабая поддержка нарождающегося предпринимательства и многое другое. Но главное, рассматриваемый период реформ сопровождался политическим противостоянием законодательной и исполнительной ветвей власти, что не давало возможности реализовать истинные замыслы реформаторов. Свою роль сыграла и слабость управленческих институтов.

И тем не менее следует признать, что если экономические реформы при Горбачеве не проводились, а точнее, были псевдореформами, то ельцинские реформы стали фактом, реальностью. Они привели к *изменению социально-экономического строя* в России, осуществлению институциональной трансформации всего общества, хотя этот процесс и сегодня еще далек от завершения.

Радикальный период экономических реформ продолжался около полугода. Затем его сменил период застоя, шатаний и топтаний практически на одном месте. И только в 1997 г., казалось, пришло время возвращаться вновь к радикальной

экономической реформе, однако в августе 1998 г. произошла катастрофа: Россия объявила дефолт, на время отказалась выплачивать свой внешний долг; была разрушена худо-бедно сложившаяся финансово-банковская система, был фактически девальвирован рубль. Лишь с 1999 г. появились признаки стабилизации положения в стране. Но ход экономических реформ был замедленным и не отличался комплексностью и особой поддержкой со стороны властей, поэтому стабилизация положения не завершена до сих пор.

12.2. К вопросу о теории

Экономические реформы, проводимые во всех посткоммунистических странах, не имеют и не могут иметь надежной *теоретической базы*. Как известно, теоретическая база ковалась для перехода от рыночной экономики к нерыночной, от капитализма к социализму. Такой базой был марксизм-ленинизм — идеологический стержень тоталитарного общества, великий миф, околдовывавший значительную часть человечества на протяжении более 100 лет. Но почему-то никто не догадался сочинить теорию обратного перехода — от нерыночной (читай: неэффективной) экономики к рыночной (эффективной!), от социализма к капитализму. А зря. Сейчас бы она пригодилась.

В капиталистических странах с нормальной рыночной экономикой нет нужды в теоретизировании по поводу трансформации неэффективного нерыночного хозяйства в эффективное рыночное. Считается, по-видимому, что эффективность рано или поздно сама придет на смену неэффективности, демократия победит тоталитаризм. Во всяком случае в классических трудах Хайека и Мизеса этот вывод обосновывается достаточно убедительно.

Тем не менее напомним, что есть две "буржуазные" теории, на которые обычно опираются реформаторы во всех постсоциалистических странах: **кейнсианство** и **монетаризм**. В соответствии именно с этими теориями и складывается практика эволюционного или радикального проведения экономических реформ.

Эволюционисты, или "постепенники", выступают за длительный и осторожный путь к рынку с сохранением многих старых структур и механизмов, присущих тоталитарному об-

ществу, социалистической системе. Опираясь на кейнсианскую концепцию, они требуют серьезного государственного вмешательства в экономику (в наших условиях — неизбежно административного и прямого), возврата к отраслевым министерствам, к системе государственных заказов и закупок, субсидий и льготных кредитов для внеэкономической поддержки неэффективных предприятий и целых секторов в экономике, к государственному установлению цен и заработных плат на фиксированном уровне, всячески тормозя начавшийся процесс приватизации. Отсюда исходят и предложения о возврате к "рыночному социализму", о создании двухсекторной экономики — рыночной и государственной, о протекционизме, об использовании китайского опыта и т. д.

Радикалы, опираясь на монетаризм, не отрицают необходимости серьезного государственного вмешательства в экономику. Но они имеют в виду экономическое регулирование, т. е. такое вмешательство государства в экономику, которое должно проходить не напрямую, а через интересы экономических субъектов, через экономические рычаги и стимулы в целях достижения высокой эффективности производства и высокого жизненного уровня населения. Но главное — это вмешательство должно быть направлено прежде всего на поощрение предпринимательства, частного самоокупаемого сектора, многоукладности экономики и конкуренции.

Радикалы (они же монетаристы и либералы) выступают за быстрые и решительные не только рыночные, но и системные, институциональные преобразования как экономики, так и всего общества России, за ломку многих государственных структур отжившей командно-распределительной системы и замену их структурами рыночной, а точнее, капиталистической системы.

В 1990-х годах позиции монетаристов серьезно укрепились в мире после известных провалов кейнсианских методов регулирования на практике. Все западные демократии проповедуют свободу конкуренции и разных форм собственности с упором на частную и избегают прежних прямых методов государственного регулирования экономики. Коренной тезис либералов-монетаристов — освобождение, либерализация цен, т. е. создание в экономике своего рода естественной сигнальной системы, дающей производителю и потребителю сигналы,

что производить и что покупать, куда направлять ресурсы, учитывая критерий эффективности производства и потребления. Рынок же может создать такую сигнальную систему только в условиях свободы ценообразования. Экономическая стабилизация и рациональное поведение людей, по мнению родоначальника этой школы М. Фридмана, невозможны без господствующей роли свободных рыночных цен в экономике.

Наконец, монетаристы говорят о жестком регулировании денежной массы, о решительном снижении, а то и ликвидации бюджетного дефицита — важнейшей причине инфляции в стране. Отсюда исходят предложения о первичной роли **финансовой стабилизации** по отношению к антикризисной политике. И при этом — жесткое государственное регулирование денежной массы, денежной эмиссии, государственных кредитов и субсидий.

Деление ученых и политиков на кейнсианцев и монетаристов, на радикалов и эволюционистов-постепенников имеет место не только в России и других посткоммунистических странах, но и в странах Запада, где в последнее время появилось много специалистов по трансформации социализма в капитализм. Наиболее радикальную позицию на Западе занимают МВФ, американский экономист Д. Сакс и шведский экономист А. Ослунд. Это сторонники шоковой терапии, которая заложена и в "*стандартный метод*" МВФ, примененный на практике во многих развивающихся странах, попавших в критические ситуации. Суть этого подхода: либерализация цен, ликвидация так называемого денежного навеса и переход к структуре цен мирового рынка; либерализация внешней торговли, обеспечение хотя бы частичной конвертируемости валюты; дерегулирование экономики; отмена субсидий, резкое сокращение бюджетного дефицита; жесткая денежно-кредитная политика; быстрая приватизация.

Сегодня западные эволюционисты-постепенники также представлены именитыми учеными. Они критикуют концепции и практику МВФ, выступают против либерализации цен и быстрой приватизации. Они считают, что созданные при коммунистическом тоталитарном режиме институты имеют значительную ценность и могут не только сосуществовать с новыми рыночными институтами, но и постепенно вращаться в них. Они полагают, что нужно иметь время не только для

рождения нового, но и для трансформации старого. К такой точке зрения склоняются многие западные кейнсианцы и социал-демократы, сторонники "рыночного социализма", институционалисты и эволюционисты.

Однако это все больше в теории. Что же касается практики, то здесь ведущую роль играет живой опыт восточноевропейских стран и Китая, раньше нас начавших переход к рынку. Выбор модели реформы реально зависит от экономической и политической ситуации в стране, от степени ее готовности к переходу к рыночной системе. Обычно рекомендации МВФ склонны принять те страны, где уже существует высокая инфляция, грозит большой экономический кризис или даже развал экономики. Если страна более или менее благополучна, то она выбирает градуалистский (или эволюционистский) путь реформации. Но и в том и в другом случае необходима *твердая политическая воля*, четкая и сильная политика, широкая общественная поддержка проводимых реформ. Если этого нет, то любая модель реформ обречена на провал.

Совершенно четко по двум разным моделям реформирования экономики и общества пошли Польша и Венгрия. Обе страны добились реальных положительных результатов, так как правильно учли свою специфику. Китай в отличие от Польши, Венгрии и Чехословакии сохранил прежний *тоталитарный коммунистический режим*, коммунистическую партию и все структуры командно-распределительной системы, но в рамках "рыночного социализма" серьезно расширил рыночные отношения и стимулы, дав простор экономическому росту на базе вовлечения огромного аграрного сектора в товарно-денежные отношения и развития полутора десятков свободных экономических зон с широким участием иностранного капитала.

Несмотря на постепенную трансформацию своей экономики, Китай скрупулезно следует рекомендациям МВФ, проводя политику макроэкономической стабилизации, сбалансирования бюджета и недопущения инфляционных процессов. В 1978 г., когда в Китае начались экономические реформы, основная часть населения работала в коммунах, т. е. в коллективном и не получавшем дотаций сельском хозяйстве, а на госпредприятиях работало менее 20% населения. Кроме того, экономика Китая не была столь сверхцентрализована и монополизирована, как экономика бывшего СССР, там не было и такого количества

крупных промышленных предприятий. Поэтому китайские опыт и модель реформирования для России вряд ли подходят.

Как оценить экономические реформы в России и какая модель этих реформ лучше соответствует ее экономической, политической и социальной сути?

На практике Россия проводит свои экономические реформы не строго в соответствии с какой-либо одной точкой зрения или школой, а по-разному, сочетая радикализм и эволюционизм и платя при этом огромную цену.

Ход российских экономических реформ не уместается в узкие рамки той или иной теории. Он объясняется не одной, а многими теориями, да и то лишь частично. Поэтому заранее, априорно исходить из какой-либо одной теории, как кое-кто это делал раньше при подходе к той или иной реформе, — это непродуктивный подход. Теория — обобщение практики, а практика должна быть прагматичной и ориентироваться исключительно на здравый смысл, экономический и социальный интерес. Рожденная таким образом теория тоже, в свою очередь, должна претерпевать изменения под воздействием последующей практики. И если теория не меняется, она отрывается от жизни и исторически отвергается как несостоятельная для изменившихся условий. Примеров тому много, и марксизм-ленинизм является лишь одним из них.

Конкретный выбор окончательного варианта реформы в решающей степени зависит от социально-экономического положения страны, исторических и национальных предпосылок. В России к тому же этот выбор происходил на фоне распада Советского Союза, развала СЭВ, растущей дезинтеграции страны, падения КПСС. Не будь путча в августе 1991 г., давшего толчок к развалу СССР и КПСС, вряд ли гайдаровский вариант был бы возможен. Процесс реформ резко интенсифицировался именно под влиянием неудавшегося путча и ухода со сцены консервативного правительства В. Павлова при президентстве М. Горбачева. Однако радикализм экономической реформы Е. Гайдара просуществовал недолго, менее чем через полгода он сменился эволюционизмом под влиянием мощных консервативных сил и настроений в обществе. В последующем страна испытала на себе экономические реформы при В. Черномырдине (5,5 года), С. Кириенко (5 месяцев), Е. Примакове (8 месяцев), С. Степашине (3 месяца), при В. Путине—М. Касьянове (4,5 года) и при М. Фрадкове (с 2004 г.).

12.3. Программа правительства Е. Гайдара

Ельцинско-гайдаровские реформы, проводимые с начала 1992 г., как уже говорилось, впервые стали реальными рыночными реформами на практике. Взятому курсу на радикальные экономические реформы противоречила вся предыдущая история трусливых и безуспешных попыток введения каких-либо элементов рынка, учета реального спроса в рамках "реального социализма", системы централизованного планирования. Все они, однако, провалились и никак не повлияли на тот пагубный тренд, который неумолимо вел советскую экономику, основанную на государственном централизованном распределении ресурсов, к неизбежному краху.

Главная задача, поставленная перед правительством Гайдара, заключалась в сломе старой командной системы, создании основ рыночной экономики и реальном вхождении страны в рынок до неизбежной отставки правительства. Команда Гайдара вначале была дружной и однородной, состояла из единомышленников. Это была команда, которая сразу же предупредила общественность, что проводимые ею реформы будут трудными и болезненными, поэтому их надо проводить решительно и быстро, иначе они захлебнутся, а члены команды Гайдара превратятся в обычных камикадзе.

Экономический кризис в стране после августовского путча 1991 г. набирал темпы, после распада СССР еще больше усилился. К началу 1992 г. сложилась критическая ситуация, когда по существу был разрушен потребительский рынок, возникла угроза финансового краха, неплатежей в госбюджет, а старая система государственных цен полностью себя изжила. В результате инфляции никто не хотел продавать продукцию по искусственно низким государственным ценам, соотношение между государственными и рыночными ценами установилось на уровне 1:40—1:50. Деньги стали терять смысл, начался переход к натуральному обмену между предприятиями. Регионы принимали запретительные меры по вывозу продукции со своих территорий, возникли таможни. Повсеместно стал использоваться бартер. В этих условиях надо было либо вводить карточную систему, систему жесткого государственного уравнительного распределения продукции в натуре, либо идти на радикальную экономическую реформу, связанную в первую очередь с либерализацией финансовой и денежной системы, приватизацией.

Президент и его команда вполне разумно избрали путь **радикальных экономических реформ**, учитывая инерционность нашего прошлого. Конечно, можно было пойти более умеренным путем, указанным в ранее принятой Россией программе "500 дней", но был избран более твердый и жесткий курс, предложенный Е. Гайдаром.

В программе "500 дней", подготовленной в 1990 г. группой советских экономистов под руководством С. Шаталина и Г. Явлинского, называлась главная цель экономической реформы — "экономическая свобода граждан и создание на этой основе эффективной хозяйственной системы".

Авторы программы "500 дней" как новой экономической системы отмечали следующие принципы ее функционирования:

- максимальная свобода экономического субъекта (предприятия, предпринимателя);
- полная ответственность экономического субъекта за результаты хозяйственной деятельности, опирающаяся на юридическое равноправие всех видов собственности, включая частную;
- конкуренция производителей как важнейший фактор стимулирования хозяйственной активности;
- свободное ценообразование, балансирующее спрос и предложение;
- дополнение товарного рынка рынком рабочей силы и финансовым рынком;
- открытость экономики, ее последовательная интеграция в мировое хозяйство;
- обеспечение высокой степени социальной защищенности граждан;
- отказ всех органов государственной власти от прямого участия в хозяйственной деятельности.

В соответствии с программой "500 дней" в течение первых 100 дней (так называемая программа чрезвычайных мер) предусматривалось принятие пакета законов, необходимых для функционирования рыночной экономики; начало приватизации и акционирования государственной собственности; проведение жесткой финансово-денежной политики, ведущей к резкому сокращению бюджетного дефицита и прекращению роста денежной массы; начало земельной реформы; проведение сокращения военных расходов и инвестиций за счет

бюджета; прекращение выплат всех дотаций и субсидий предприятиям; начало поэтапной либерализации розничных цен. В течение следующих 150 дней (101—250-й дни) намечалось снятие государственного контроля за ценами уже для широкой товарной массы, полная ликвидация бюджетного дефицита, широкое развитие приватизации, демонополизация и ликвидация устаревших административных структур, индексация доходов с учетом динамики цен.

В течение последующих 150 дней (251—400-й дни) на базе развития рыночных отношений и все более полного насыщения рынка намечалось достичь его стабилизации, еще дальше продвинуть приватизацию и либерализацию цен, ввести конвертируемость рубля. Наконец, в оставшиеся 100 дней (401—500-й дни) ожидалось начало подъема в экономике, развертывания масштабной структурной перестройки.

Из этого краткого напоминания о программе "500 дней" видно, что она представляла собой не более чем схему последовательности действий в рамках перехода к рынку. Сам переход к рынку за 500 дней осуществить нереально. В лучшем случае эту программу следует рассматривать в качестве стартера запуска рыночных преобразований. И не более того.

Вместе с тем ясно, что программа "500 дней", как и ельцинско-гайдаровская программа, находилась в русле радикальных системных преобразований экономики и общества. Однако в отличие от последней в ней больше внимания уделялось социальной поддержке населения и меньше — борьбе с инфляцией, а либерализация цен отнесена ко второму этапу вслед за начавшейся приватизацией и жесткой финансово-денежной политикой, проводимых в чрезвычайном порядке. За эти отличия оппозиция потом будет отчаянно ругать ельцинско-гайдаровскую программу, в целом более технологичную, но и жесткую.

Это было связано прежде всего с тем, что в стране к началу 1992 г. сложилась острейшая критическая ситуация, когда цены бесконтрольно резко взметнулись вверх, рынок распался и полки магазинов оказались пустыми в буквальном смысле. В 1991 г. страна по существу находилась в состоянии экономического коллапса. Производство сокращалось, бюджетный дефицит составлял 27% ВВП, скрытая безработица достигла 35% численности рабочей силы, спрос намного превышал пред-

ложение, образовался огромный "денежный навес", достигавший сотен миллиардов рублей. Одновременно быстро увеличивался государственный долг (в 1985 г. — 20 млрд долл., в 1991 г. — 103 млрд) и снижался золотой запас страны (в 1985 г. — 1500 т, в 1991 г. — лишь 80 т). За такие итоги никто не взял на себя ответственность. В ноябре—декабре 1991 г. очереди возникали везде — за хлебом, мясом, колбасными изделиями, водкой, овощами... По регионам вводились карточки, в московских магазинах для покупателей требовалась визитка с фотографией.

В этих условиях, как уже говорилось, необходимо было либо вводить карточки, либо отпускать цены. Был принят второй вариант. Однако по просьбе Украины либерализацию цен отложили на 1,5 месяца и провели лишь 2 января 1992 г.

По расчетам нового правительства Е. Гайдара, рост розничных цен ожидался в 2—3 раза. На деле же они увеличились в течение первого квартала 1992 г. более чем в 6 раз, а по сравнению с началом 1991 г. — в 13—15 раз. Общество ощутило сильный шоковый удар. Но без него нельзя было и думать о рынке. В отличие от Польши в России были отпущены не только цены, но и заработная плата, более решительно начата приватизация. Либерализация коснулась 90% розничных и 80% оптовых цен. Старые цены сохранялись, в частности, по 15 наименованиям потребительских благ, начиная с хлеба и кончая платой за жилье и коммунальные услуги.

Однако после резкого взлета цен динамика их роста замедлилась, и в апреле 1992 г. розничные цены выросли всего лишь на 22%, кредитная и денежная эмиссии были взяты под контроль, бюджетный дефицит значительно сократился. Стала улучшаться ситуация на рынке прежде всего за счет старых запасов. Тем не менее предложение товарной массы было слабым, спад производства усиливался. По существу директора государственных предприятий реформу *не поддерживали*; вместо наращивания производства и предложения на этой основе товаров на рынке они стали залезать во взаимные долги, устанавливать монопольные цены, пытаясь сохранить уровень занятости и заработной платы.

Непопулярные радикальные меры, а также реакция значительной части директорского корпуса укрепили оппозицию, раздавленную после путча 1991 г. К ней присоединилась часть

демократов во главе с бывшим председателем Верховного Совета РФ Р. Хасбулатовым. Уж слишком был велик соблазн перехвата власти у молодых, хотя и профессионально грамотных, но политически не искушенных реформаторов. Уже в январе 1992 г. Р. Хасбулатов обвинил только что созданное молодое правительство России в некомпетентности. Затем под его руководством была составлена альтернативная "антикризисная программа" в расчете на поддержку директорского корпуса. Суть этой программы заключалась в смягчении шока, торможении начавшихся рыночных реформ, усилении государственного контроля над экономикой, т. е. в частичном возврате к командной экономике. Р. Хасбулатов открыто признал тогда, что он возглавляет в некотором смысле *оппозицию ходу экономической реформы в стране*.

Выступая в апреле 1992 г. на VI Съезде народных депутатов России, он заявил, что проводимые правительством реформы лишь внешне выглядят радикально. А на деле, будучи оторванными от реальной действительности, они не дают нужного эффекта. Стало ясно, что спикер парламента уже тогда начал добиваться смены кабинета. И он был не одинок. Большинство выступавших по этому вопросу на съезде депутатов критиковали правительство в весьма резкой форме. Типичными были такие выражения: "правительство не сумело", "не обеспечило", "развалило", "полностью провалило", "поставило под удар", "проводит линию на разоружение" и т. д. Более того, на состоявшейся в последний день этого съезда пресс-конференции руководители блока "Российское единство" С. Горячева, В. Исаков, М. Астафьев, В. Аксютин и ряд других депутатов заявили о своей готовности *немедленно взять власть в стране в свои руки*¹.

Какие же альтернативные предложения выдвигались против правительственной программы реформ в 1992—1993 гг.? Представители хасбулатовского парламента, "Гражданского союза" и другие выдвигали следующие предложения: ввести государственное регулирование заработной платы и цен (прежде всего на сырье и основные продукты питания);

¹ В наши дни коммунистическая фракция в Государственной Думе предлагает практически то же самое. Но времена уже изменились.

выдавать предприятиям специальные кредиты на пополнение оборотных средств и их индексацию;
дотировать сельскохозяйственное производство;
увеличить централизованное финансирование деятельности и развития объектов социальной сферы;
ввести льготное кредитование инвестиций в структурную перестройку производства важнейших потребительских продуктов и сельского хозяйства;
индексировать сбережения населения;
отказаться от форсированной приватизации.

Почти все перечисленные пункты носят либо антирыночный, проинфляционный, либо популистский характер, и, естественно, команда Гайдара не могла с ними согласиться, ибо в то время они означали шаг назад — к рыжковско-абалкинскому "рыночному социализму". При этом Р. Хасбулатов не устал повторять, что он и возглавляемая им оппозиция выступают за *реальные реформы*, а правительство Е. Гайдара проводит *псевдо-реформы*, на деле разваливая экономику страны. Во всем этом было много демагогии и мало конструктивизма.

Президент Б. Ельцин решительно поддержал правительственный курс экономических реформ. Он говорил о провале попытки консервативного реванша, о достигнутом зыбком компромиссе между правительством и депутатским корпусом, призвал к равноправному и постоянному диалогу между законодательной и исполнительной властями. "Без сильной исполнительной власти, — говорил Президент, — не будет ни реформ, ни порядка, ни государственности, достойной России, ее истории и традиций. Если сохраним гражданский мир, если удержимся от конфронтации, есть реальная возможность обеспечить экономическую стабилизацию уже к концу текущего года. Россия разбужена. Она двинулась к рыночной экономике, к нормальной, полноценной жизни. И как бы ни было трудно, какие бы препятствия ни стояли на этом пути, ход истории уже не остановить"¹.

Однако события развивались по-другому: оппозиция консолидировалась и крепла. Под давлением парламента и части директорского корпуса к лету 1992 г. правительство Е. Гайдара вынуждено было ослабить свою макроэкономическую полити-

¹ Российская газета. 1992. 23 апр.

ку. Возросли кредитные вливания в экономику в целях предотвращения спада производства, резко увеличилась инфляция. Искре усилия по укреплению финансовой дисциплины результатов не дали. Контроль над экономикой был утрачен. В декабре 1992 г. на VII Съезде народных депутатов произошла сильнейшая конфронтация между исполнительной и представительной властями. Президент ослабил свои позиции, Е. Гайдар был вынужден уйти в отставку, однако общий курс радикальных экономических реформ сохранился. Стало ясно: неизбежна новая, еще более острая конфронтация. В позиции Р. Хасбулатова все время происходил дрейф от демократов к махровым консерваторам, часть ближайшего окружения президента, включая вице-президента, также стала отступать от него, сближаться с консервативной оппозицией.

Место премьера после Е. Гайдара занял В. Черномырдин. Он не отступил от принятой ранее стратегии реформ и начал важный процесс укрепления политической консолидации прежде всего исполнительной и президентской властей, хотя в самом правительстве наметились разногласия между радикалами (Б. Федоров, А. Чубайс) и эволюционистами (О. Лобов, В. Хлыстун). Однако конфронтация между исполнительной и президентской властями, с одной стороны, и представительной властью (Верховный Совет) — с другой, нарастала и достигла своего апогея в конце сентября — начале октября 1993 г., когда президент распустил Верховный Совет, а тот, в свою очередь, назначил нового президента и новое правительство. Все это завершилось, как известно, кровавым антиправительственным путчем и последовавшим за ним разгромом хасбулатовского Верховного Совета. В конечном счете после выборов 12 декабря 1993 г. был сформирован новый парламент, и, несмотря на сохранившееся противостояние разных сил, общая политическая ситуация в стране стала явно улучшаться.

Теперь рассмотрим более конкретно правительственную экономическую программу и программу новой оппозиции.

Первый проект гайдаровской программы экономических реформ был опубликован еще в ноябре 1991 г. В нем говорилось, что основная цель трансформации заключается в достижении *финансовой стабилизации и установлении рыночной экономики*. Затем программа дорабатывалась в сотрудничестве с экспертами МВФ и независимыми западными учеными-моне-

таристами. Более продвинутая версия программы опубликована в известном Меморандуме об экономической политике Российской Федерации. Именно этот текст стал базой для переговоров с МВФ и "семеркой" о предоставлении России западной помощи. В июле 1992 г. был опубликован окончательный текст программы экономических реформ, рассчитанный теперь на среднесрочную перспективу.

Оба документа имели целью определение путей перехода к рыночной экономике и включения ее в мировое хозяйство, в сообщество цивилизованных стран. По существу речь шла о реальной трансформации не только экономики, но и всей общественной системы.

Основные положения *гайдаровской программы экономических реформ* заключались в следующем:

- дерегулирование экономики, снятие административного контроля над ценами и хозяйственными связями (включая внешнеэкономическую деятельность), развитие торговли взамен прежнего командно-бюрократического распределения товаров и услуг;
- стабилизация финансов и денежной системы, укрепление рубля;
- приватизация, развитие предпринимательства, создание институциональных предпосылок эффективного рыночного хозяйства и экономического роста;
- активная социальная политика в целях адаптации трудоспособного населения к новым условиям, защита наиболее уязвимых слоев населения;
- структурная перестройка экономики, ее демилитаризация, приспособление к структуре реального спроса, повышение конкурентоспособности, интеграция в мировое хозяйство;
- создание конкурентной рыночной среды для повышения эффективности и качества, увеличения разнообразия продукции, снижения издержек и цен.

Логика авторов правительственной программы экономических реформ исходила из комплексного подхода к реформированию сверхцентрализованной командной экономики. Так, дерегулирование экономики и либерализация цен, по их мысли, открывают дорогу предпринимательству, развитию торговли, формированию механизмов рыночного самоуправле-

ния. Стабилизация финансов и денежной системы усиливает экономические стимулы, дает в руки государства эффективные рычаги воздействия на поведение субъектов хозяйствования, делает объективной необходимостью структурную перестройку, позволяет отделить банкротов. Следующий шаг в рамках программы — приватизация. Она необходима, чтобы привести в действие рыночный механизм, активизировать хозяйственные и трудовые мотивации, сформировать полноценных рыночных агентов и класс собственников — *социальную базу подлинной демократии*. Структурная перестройка экономики жизненно необходима для преодоления доставшихся в наследство от "реального социализма" грубейших деформаций в структуре производства в сторону сверхмилитаризации и чрезмерного производства средств производства.

Но не все получилось (и не могло получиться!) так, как задумывалось.

Во-первых, не были обеспечены политическая стабильность и политическая воля к практической реализации основных положений программы экономических реформ. Наоборот, разразилось великое противостояние между исполнительной и законодательной ветвями власти. В обществе возникло такое политическое и социальное явление, как хасбулатовщина: стремление перехватить исполнительную власть, вернуть страну частично в прошлое за счет восстановления прежних административных структур; дешевый популизм в сочетании с блокированием ряда важных реформаторских политических направлений (приватизация, антиинфляционная политика, в частности путем сокращения бюджетного дефицита); линия на выделение кредитов и субсидий неприбыльным предприятиям и отраслям (а они в то время составляли не менее 20% всей промышленности; теперь же на такие предприятия приходится до 50% промышленной продукции). Противостояние властей в значительной степени подорвало потенциал экономических реформ.

Во-вторых, не удалось достичь макроэкономической стабилизации.

В-третьих, цена экономических реформ оказалась непомерно велика: произошло значительное снижение жизненного уровня населения, усилился спад производства, резко возросла инфляция (1992—1993 гг.), активно разрушался научно-технический потенциал страны, ухудшалась структура производства,

падала его эффективность и т. д. В результате этого зрело и укреплялось сопротивление радикальным экономическим реформам, возникла почва для объединения и консолидации сил оппозиции.

В-четвертых, стремясь вывести государство из сферы административного вмешательства в экономику, чтобы дать ей свободу и импульс к саморазвитию, радикальные демократы допустили неуправляемость в хозяйстве, не сумели направить реформу в последовательное русло системных преобразований. Они шарахались от проинфляционной к антиинфляционной политике, занимались латанием дыр, в самой их среде зрели противоречия, которые потом оказались для них роковыми.

Переход на экономические рычаги управления не дал эффекта и в стимулировании предпринимательства. Жесткая налоговая политика серьезно ослабила стимулы к развитию предпринимательства. Не проводилась эффективная промышленная политика в интересах борьбы со спадом и стимулирования прогрессивных структурных сдвигов в производстве, в результате чего образовалась опасная тенденция к вывозу российского капитала за границу и сдерживанию иностранных инвестиций в хозяйство страны.

В-пятых, молодые реформаторы совершали элементарные ошибки. Например, вовремя не напечатали деньги перед либерализацией цен, допустили кризис неплатежей, который впоследствии нарастал как снежный ком, и т. д.

В-шестых, правительство не достигло успеха в борьбе с преступностью в стране, допустив разгул коррупции, создание целых кланов мафиозных групп, организованной преступности. Это породило резкое недовольство в обществе.

В-седьмых, из-за недооценки развития малого и среднего бизнеса возникли неоправданные бюрократические, налоговые и иные ограничения.

Этими причинами объясняется то, что смена правительства радикалов-реформаторов стала неизбежной. Оно в значительной степени утратило доверие общества, а следовательно, и президента, что и показали результаты парламентских выборов 12 декабря 1993 г. Была признана необходимость корректировки принятого курса реформ.

Рассмотрим более подробно, почему не была достигнута финансовая стабилизация в 1992 г.

Практику проведения реформ в этот период можно разделить на три этапа.

1. В январе—марте после резкого взлета цен (напомним, что было освобождено от государственного контроля 90% розничных и 80% оптовых цен, контроль сохранился над ценами на топливо, электроэнергию, продовольственные товары, включая хлеб, молоко, соль, транспорт, жилье) правительство проводило жесткую антиинфляционную политику, держало под строгим контролем денежную массу, сокращало госрасходы и контролировало кредитную эмиссию. В результате к концу первого квартала 1992 г. бюджетный дефицит достиг 3,5% ВВП. В нормальных рыночных условиях такая политика неизбежно вызывает рост банкротств и безработицы. Но Россия не пошла по этому пути. Не были приняты законы о банкротстве, о контрактной занятости, слишком сильны оказались коммунистические привычки, сопротивление политической оппозиции. Продавая продукцию по высоким рыночным ценам, директора предприятий стали наращивать неплатежи, требовать, как и в прошлом, государственных субсидий и льготных кредитов. Их реакция была типично монополистической, коммунистической, отнюдь не рыночной.

2. В июне—сентябре под давлением нарастающей оппозиции правительство отступило от радикальных экономических реформ, ослабило макроэкономическую политику, пошло на выдачу крупных субсидий и кредитов государственным предприятиям, АПК за счет увеличения денежной эмиссии. Только в июне эмиссия увеличилась на 30%, бюджетный дефицит достиг 7,5% ВВП, но уже в третьем квартале он возрос до 13,2%.

3. В сентябре—декабре правительство вновь попыталось вернуться к жесткой, рестриктивной, антиинфляционной политике, но практически уже ничего не могло сделать. *Макроэкономический контроль был утрачен.*

Вместе с тем деятельность радикалов-реформаторов имела и положительные стороны. Они состоят в следующем.

Команда молодых реформаторов начала все же не псевдо-реформы, а реальные рыночные реформы: она запустила их мотор, который продолжает работать. Е. Гайдар в конкретных условиях конца 1991 г. после развала СССР был вынужден предпринять быстрые и решительные действия, чтобы дать импульс реальным реформам, преодолеть огромное политиче-

ское сопротивление и инерцию исторически обанкротившейся старой, планово-распределительной системы.

После либерализации цен в январе—марте 1992 г. и кратковременного шока рынок начал довольно быстро насыщаться товарной массой. Более того, появились реальные признаки формирования рынка потребителя (а не производителя, как раньше), т. е. нормального рынка. Наконец-то заработал рубль, начала повышаться роль денег, которые при административно-распределительной системе выполняли всего лишь формальную расчетную функцию, появилось большое стремление их зарабатывать, возникли первые признаки экономической мотивации к труду (правда, в самоокупаемой, а не в бюджетной сфере), стал меняться менталитет населения в сторону принятия рыночных ценностей, предприятия и население начали менять свое поведение и приспосабливаться к рыночным условиям, столкнувшись с новыми объективными реалиями. Резко сократилось и качественно изменилось государственное вмешательство в экономику. Прежнее командное централизованное распределение материальных ресурсов все больше замещалось рынком, *индивидуальной инициативой, конкуренцией за ресурсы и покупателя.* Правительство стало распределять не материальные ресурсы, а деньги, льготные кредиты и субсидии. По своему характеру это вмешательство стало более индикативным, не прямым, а косвенным, ориентированным на интересы, экономический прагматизм.

Особо следует сказать о приватизации государственной собственности, где также были достигнуты важные успехи (далее этому вопросу посвящается специальная глава). Больше всего продвинулась "малая приватизация" — переход в частную собственность мелких предприятий. Уже к марту 1994 г. было приватизировано 70% объектов торговли, общественного питания и бытового обслуживания с числом занятых до 200 человек. Как правило, в этой сфере уже появился хозяин, частный собственник, берущий на себя ответственность за собственный бизнес.

Сложнее дело обстояло с "большой приватизацией" — переходом в частную собственность крупных и средних предприятий и особенно их объединений по технологическому признаку. Здесь шел процесс первичной приватизации, разгосударствления

и акционирования. В отличие от "малой приватизации" "большая" не отличалась четко определенным и ответственным собственником, состоящим из одного владельца или их группы. Потребуется еще многостадийный и длительный переход к действительной частной собственности. Тем не менее, по данным на конец 1997 г., более 3/4 промышленных рабочих уже трудилось в негосударственном секторе, где занятость была более стабильной, а заработная плата — выше. На приватизированных предприятиях производилось более половины ВВП, а спад производства был в среднем на 10% меньше, чем на государственных.

Резко сократилось централизованное распределение материальных ресурсов, которое все больше замещалось рынком, индивидуальной инициативой, *механизмом спроса и предложения*.

В числе положительных результатов экономических реформ следует отметить улучшение ситуации во многих отношениях после наиболее трудного 1992 г. Уменьшились темпы инфляции, удалось избавиться от импорта зерна, что раньше вообще казалось неосуществимой мечтой. В 1993—1997 гг. достигнуто крупное положительное сальдо торгового баланса, а валютные запасы страны заметно возросли. Наряду с неработающими или плохо работающими предприятиями практически в каждой отрасли появились высокоэффективные предприятия, производство на которых в условиях общего спада постоянно росло. Даже характер самого спада в 1995—1997 гг. приобрел в известном смысле положительный оттенок. Он стал определяться не распадом прежних межреспубликанских и внутрисэвовских связей, а спросом. Спад производства вызывался в значительной мере нарастанием неплатежей. В 1992 г. всплеск неплатежей удалось погасить за счет учета взаимной задолженности. Но с 1993 г. неплатежи стали расти вновь и в 1997 г. составили почти 770 трлн руб., в том числе свыше 50 трлн руб. в бюджетной сфере.

В 1993 г. розничный товароборот в реальных ценах увеличился на 2%, реальные доходы населения — на 16%. В 1994 г. эта тенденция продолжилась: их рост составил соответственно 0,1 и 12%. Улучшилась общая ситуация на потребительском рынке. В 1995 и 1996 гг. спад производства продолжался, но темпы инфляции уменьшились. В 1997 г. произошел перелом: спад производства прекратился, появились реальные возмож-

ности для инвестиций. Похоже, что *экономика дефицита*, *экономика недостат*, порожденная "реальным социализмом" с его централизованным планированием и пренебрежением к платежеспособному спросу, осталась позади. Впереди, казалось, нормальный рынок, где все определяется соотношением спроса и предложения и откуда идут сигналы производителю, что производить и по какой цене продавать. Однако 1998 год привел к иным результатам. Была допущена серьезная стратегическая ошибка в курсе реформ, связанная с отказом страны от взятых на себя долговых обязательств и девальвацией рубля. Но самое главное: удалось избежать страшных предсказаний, которые сыпались (и еще сыпятся!) как из рога изобилия из уст представителей оппозиции, а именно предсказаний неизбежного распада России, гражданской войны, голода, страшного неурожая, гигантской безработицы, социального взрыва и т. д.

В целом можно выделить 4 *этапа* в развитии российских экономических реформ после 1992 г.

Первый этап: 1992—1994 гг. Это этап кризисного развития, отличавшийся большим спадом производства, особенно инвестиций. Составляющие спада: быстрая демилитаризация экономики и резкое сокращение военного производства, прекращение производства товаров гражданского назначения, не пользовавшихся внутренним спросом, развал СССР и СЭВа, приведший к разрушению важных внешних для России рынков, и, наконец, нарастающие трудности, связанные с реальной системной трансформацией страны. Социальный мир в обществе нарушен не был, хотя за это пришлось заплатить уступками оппозиции. Цены не только выросли, но и стала меняться их структура, приближаясь к общемировой. Так, бензин стал наконец стоить дороже лимонада, что не имело места в бывшем СССР. Тем не менее в 1993 г. инфляция оставалась на высоком уровне, что пагубно влияло на динамику инвестиций, поэтому в 1994 г. производство вновь резко сократилось. Для исправления положения в правительство временно вновь был приглашен Е. Гайдар.

Второй этап: 1994—1996 гг. Стала деформироваться нормальная рыночная инфраструктура, началось кредитование экономики по положительной процентной ставке (раньше она

часто была отрицательной). В 1995 и 1996 гг. удалось серьезно ослабить инфляцию. Однако преодолеть спад производства правительство не смогло. Тем не менее во внешней торговле страны образовалось устойчивое положительное сальдо.

Третий этап: 1996—1998 гг. Главным стал вопрос о возобновлении экономического роста. Была заметно снижена, а затем практически побеждена инфляция. Уменьшена ставка рефинансирования Центробанка, появились первые признаки начинающегося экономического роста, на макроэкономическом уровне достигнута стабилизация. На передний план вышли проблемы реформ на микроуровне, прежде всего на уровне предприятий. Но в августе 1998 г. наступил дефолт, определивший переход к следующему этапу реформ.

Четвертый этап: 1999 г. — по настоящее время. Начался рост производства, вызванный дефолтом. Появился стимул к замещению импорта отечественным производством. Росту производства в России способствовал рост мировых цен на нефть и газ. В целом в 1999—2003 гг. ВВП страны вырос на 37%, промышленное производство — почти на 44, народно-хозяйственные капвложения — на 60%.

Начиная с 2000 г. стали быстро расти реальные доходы населения. Экономика монетизировалась не столько путем роста денежной массы, сколько путем изживания бартера, неплатежей и взаимозачетов на путях совершенствования рыночной системы. Цетробанк ожил и стал накапливать золотовалютные резервы. Уже к концу 2000 г. они составили 36 млрд долл. (в августе 1998 г. — 10 млрд долл.), а весной 2004 г. — 86 млрд долл. Страна наконец-то обрела бюджетный профицит, продолжалось снижение темпов инфляции.

Тем не менее оппозиция продолжала свое наступление и требовала радикальной смены курса реформ. Чем объяснить непримиримость оппозиции правительственному курсу экономических реформ, разгул разнузданной критики с ее стороны?

Во-первых, ностальгией по старым советским временам, когда был великий Советский Союз, и жили мы лучше, и производство вроде бы не падало. "Я анализирую то, что есть и что было, — говорит философ-эмигрант, бывший советский диссидент А. Зиновьев, — и прихожу к выводу: та система власти и тот социальный строй, что существовали до 1985 года, были вершиной русской истории. Это оптимально. Если бы

можно было к тому вернуться сейчас, это было бы величайшее благо"¹.

Примерно ту же удивительную мысль высказывает и российский экономист С. Губанов: "С точки зрения критериев конкурентоспособности потенциал советской модели наиболее высок, если сравнивать ее с государственно-капиталистической ступенью. Она вполне позволяет соединить в одно целое процесс увеличения производства товаров, сокращения издержек и повышения качества... В данном отношении советская модель намного опережала любую другую. Будущее принадлежит модели, аналогичной советской"².

Другой экономист, Э. Васильев, считает, что "в действительности к своему главному достижению в сфере хозяйствования человечество пришло лишь недавно. Это достижение — централизованная плановая экономика, свободная от расточительной стихии рынка, ее общественно вредных критериев конкурентной борьбы производителей, от барьеров частного интереса. Это достижение было достоянием СССР и других социалистических стран..."³.

Приведенные цитаты показывают, что в нашем обществе открыто высказываются *реванишистские настроения*. Более того, многие высокопоставленные лица в чиновничьем аппарате порой тоже не скрывают свои антирыночные взгляды.

Глубинная причина столь серьезного и опасного положения заключается в том, что в стране не сформировался мощный средний социальный класс, кровно заинтересованный в сохранении реального реформаторского курса, в высокой национальной идее и цели, поддерживаемой большинством сознательного населения страны. В такой атмосфере легко выдвигаются и поддерживаются поверхностные популистские и националистические лозунги. На наш взгляд, важнейшей национальной идеей должно стать создание современного *правового демократического общества со смешанной социально ориентированной рыночной экономикой, эффективной и конкурентоспособной*.

Во-вторых, сопротивление реальному реформаторскому курсу объясняется разгулом обывательских настроений в обществе,

¹ Правда. 1994. 22 марта.

² Экономист. 1992. № 6. С. 68, 70.

³ Переход к рынку: борьба мнений. М., 1993. С. 29.

усилением политической роли криминальных структур, не склонных к реалистическому пониманию экономических процессов и тоскующих по былому имперскому величию и силе власти. Власть-то действительно должна быть сильной и эффективной. Но только во имя отхода от прошлого, всемерного приближения к таким общечеловеческим ценностям, как *рынок* и *демократия*. Без этого у России нет будущего. К сожалению, обывательские настроения не безвредны: они прямо связаны с утратой профессионализма.

В-третьих, алармистский синдром, которым охвачено общество, основывается не только на ностальгии по прошлому, по и на несовершенстве официальной статистики. Мы живем лучше, чем показывает официальная статистика. Так, статистикой не учитываются полностью продукция в частном секторе, импорт дешевых товаров "челноками", заметно увеличившееся число деловых и туристских поездок за рубеж, массовое частное жилищное и дачное строительство. Небывалое развитие получили торговля и банковское дело, другие отрасли сферы услуг, компьютеризация населения.

В-четвертых, сохранение на высоких постах в государстве и науке реваншистски настроенных начальников из прежней советской номенклатуры, которым к тому же в принципе не свойственно рыночное мышление.

Многие критики экономических реформ сегодня опять предлагают не просто медлительность и постепенность в реализации этих реформ, но и частичный возврат к прошлому. При этом, декларируя "новые подходы", они по существу предлагают идеи политически обанкротившейся хасбулатовской или гэкачепистской программы.

12.4. Программы правительства В. Черномырдина

С приходом к руководству российским правительством В. Черномырдина в декабре 1992 г. появились опасения полного прекращения экономических реформ в России. Они были связаны с его заявлениями о готовности бороться с инфляцией "немонетарными методами", о недопущении впредь "шоковой терапии" и выделении низкопроцентного кредита топливно-энергетическому комплексу в размере 200 млрд руб. Было даже подписано постановление о прямом контроле над ценами

на ряд товаров, которое, однако, через две недели было отменено. Тем не менее 1993-й, 1994-й и последующие годы показали, что Черномырдин не отошел от эволюционистской практики умеренно реформаторского курса второй половины 1992 г. и по существу, не отступая назад, ввел страну в состояние застоя реформ. С приходом в 1997 г. в правительство молодых реформаторов реформы стали проводиться более последовательно и активно. Но в марте 1998 г. правительство Черномырдина ушло в отставку из-за неспособности к радикальным реформам, а в августе случился дефолт из-за слабости и непоследовательности самих реформаторов.

В первые месяцы пребывания у власти (по крайней мере до апреля 1993 г.) правительство В. Черномырдина вновь вернулось к проинфляционной кредитно-финансовой политике. Несмотря на падение производства, денежно-кредитная эмиссия продолжалась. После апрельского референдума о доверии президенту позиции правительства укрепились, оно ужесточило кредитно-финансовую политику, и темпы инфляции стали снижаться. Но после парламентских выборов в декабре 1993 г. этот антиинфляционный курс вновь подвергся критике оппозиции, и правительство опять смягчило свою экономическую политику, уступив требованиям директоров крупных государственных предприятий, прежде всего ВПК и агропромышленного комплекса.

В октябре 1993 г. в Москве произошел антиправительственный мятеж, направленный против трансформационных и системных реформ. Оппозиция использовала давно сформировавшийся раскол в обществе, чтобы добиться реванша. В случае победы оппозиции возникла бы угроза установления недемократического режима, приостановления приватизации и других реформ. Однако в любом случае октябрьский путч 1993 г. был актом гражданской войны, вооруженного противостояния с человеческими жертвами. Противостоящие стороны шли в нем до конца, при этом президент Б. Ельцин опирался на поддержку сторонников апрельского референдума 1993 г. и как Верховный главнокомандующий — на армию, а Р. Хасбулатов, А. Руцкой и весь оппозиционный Верховный Совет РФ — на левую оппозицию в стране, на КПРФ, имевшую большинство членов в Совете. Обе противоборствующие стороны нарушали Конституцию и стремились реализовать свои политические интересы: Ельцин — сохранить власть, Хасбулатов — перехва-

тить эту власть. Но в итоге правительственные силы остановили мятеж и насилие, не допустили гражданской войны и восстановления диктаторского режима, к которому шла оппозиция, вновь открыли путь к дальнейшим демократическим и экономическим реформам.

Проект бюджета на 1994 г. вызвал бурю в Государственной Думе, которая требовала увеличения кредитов и субсидий производству, социальной защиты населения. Правительство вновь отступило, запустив печатный станок, цены и бюджетный дефицит опять поползли вверх. Подобное маятниковое движение, свидетельствующее о непоследовательности и нерешительности проводимого курса, продолжалось вплоть до 1997 г. Более того, из-за высокой инфляции падение производства в 1994 г. оказалось более глубоким, чем в 1993 г.

Так же как и правительство Е. Гайдара, правительство В. Черномырдина приняло ряд программ экономических реформ. В 1993 г. оно разработало и приняло программу "Развитие реформ и стабилизация российской экономики" на 1993—1995 гг. Летом 1994 г. появилась новая программа. В ней содержался тезис об уже начавшейся стабилизации российской экономики. Провозглашались такие цели, как возобновление экономического роста, снижение к концу 1995 г. уровня инфляции до 3—5% в месяц, сокращение бюджетного дефицита до 5—6% ВВП и т. д. Конечно, в указанные сроки эти цели достигнуты не были. Ситуация стала улучшаться лишь в 1997—1998 гг. В 1998 г. появилась новая правительственная программа с более реалистичными целями.

По мнению разработчиков этих программ, для их реализации необходимо было продолжать умеренно-ограничительную финансово-кредитную политику, которая опиралась бы на сокращение дотаций и льгот, военных расходов; налоговую реформу; переключение расходов государства с поддержки старых и бесперспективных производств на стимулирование роста частного сектора.

На словах все правильно. Однако на деле в 1993—1997 гг. экономическая политика правительства Черномырдина не отличалась последовательностью и не принесла ожидаемых результатов. Прежде всего не была достигнута макроэкономическая стабилизация, что стало особенно очевидно, когда произошел известный крах на валютной бирже 11 октября 1994 г.

В этот день Министерство финансов продало Центральному банку около 450 млн долл. по курсу около 4000 руб. за доллар, выручив тем самым около 2 трлн руб. Все это говорило о том, что правительство было даже заинтересовано в дестабилизации валютного и финансового рынков. Во всяком случае, оно явно стимулировало финансовый крах многих коммерческих банков с целью финансирования бюджетного дефицита и погашения своей задолженности предприятиям. Это нанесло серьезный ущерб не только коммерческим банкам, но и значительной части населения страны.

Не оправдались и другие программные цели правительства Черномырдина. Разработанные программы намечали прекращение спада производства уже в 1993 г. При этом локомотивом экономического оживления признавалась инвестиционная сфера, где ежегодные темпы роста капиталовложений в 1993 и 1994 гг. ожидалось на уровне 10%. На деле же капвложения все время снижались. Не оправдались прогнозы и в отношении уровней инфляции и размеров бюджетного дефицита.

Более того, правительство Черномырдина вместо того, чтобы всячески содействовать рыночным преобразованиям в стране, приняло ряд антирыночных мер. Так, были ужесточены правила экспорта и импорта ряда товаров и тем самым нарушены требования свободной торговли, приняты антилиберальные документы по регулированию рынка ценных бумаг.

Несмотря на проведенную еще при Гайдаре либерализацию цен и дерегулирование деятельности предприятий, ряд важных отраслей народного хозяйства сохранил прежний статус, не перешел на рыночные рельсы, что явно не соответствовало программам и интересам рыночной трансформации. Так, справедливо считается, что самой богатой и прибыльной сферой экономической деятельности в России является топливно-энергетический комплекс. Но именно в этой "золотой жиле" не проведена либерализация и разукрупнение. Более того, эта курица, несущая золотые яйца, получала огромные субсидии и льготы со стороны государства и находилась под его прямым бюрократическим управлением. Бизнес не отделен от государства, что недопустимо для зрелой рыночной экономики.

И тем не менее, несмотря на все эти негативные явления, нерешительность и противоречивость экономической политики правительства В. Черномырдина, Россия сохранила потенциал

для перехода к новому этапу экономических реформ, призванному реализовать на практике те программные требования по дальнейшему развитию реформ, которые само же правительство неоднократно выдвигало и постоянно не выполняло.

12.5. Последующие программы российского правительства

В марте 1998 г. правительство Черномырдина ушло в отставку, а в августе этого же года был объявлен финансовый дефолт из-за допущенных реформаторами новых серьезных ошибок, связанных с финансовыми манипуляциями с государственными казначейскими облигациями (ГКО) и облигациями федерального займа (ОФЗ), выпущенными для покрытия бюджетного дефицита (осенью 1997 г. сбор налогов достигал лишь 67% запланированного уровня). Пирамида ГКО-ОФЗ стала основой внутренних заимствований в этот период. Негативную роль сыграли и низкие мировые цены на нефть и газ. В 1998 г. мировая цена на нефть упала до 13,4 долл. за баррель — самый низкий уровень с 1976 г., а в декабре 1998 г. она составила 9,7 долл.

Таким образом дефолт наступил тогда, когда в одной точке сошлись нерешенные внутренние проблемы российской экономики (падение производства, бюджетный дефицит, отсутствие необходимого золотовалютного резерва и инфляция). К этому надо добавить и внешний напор финансового кризиса, начавшегося в Юго-Восточной Азии, и низких мировых цен на нефть и газ.

Вновь назначенный премьер С. Кириенко, похоже, не ожидал дефолта и целиком полагался на политику Центробанка, которая, однако, была направлена не на достижение стабильного экономического роста, а на борьбу с бюджетным дефицитом методами финансовой спекуляции (доходность по облигациям ГКО превышала 100% в год). Теперь уже ясно, что дефолта можно было избежать, приняв разумные превентивные меры, в частности, проведя налоговую реформу.

Практически сразу же после дефолта С. Кириенко был заменен Е. Примаковым в качестве премьер-министра РФ. Несмотря на все опасения в отношении отказа от курса рыночных и демократических реформ, которые тогда открыто выражались в российском обществе, Е. Примаков не сошел с ранее наме-

ченного стратегического курса (который, кстати, продолжается и до сих пор при В. Путине). Более того, удалось составить и провести в жизнь бездефицитный бюджет на 1999 г.

План правительства по преодолению дефолта (он был согласован с МВФ) включал три группы мер: введение плавающего курса рубля с его последующей девальвацией; введение трехмесячного моратория на погашение внешних долгов российских банков; принудительная реструктуризация долгов по ГКО-ОФЗ¹. Госдума, которая до этого "торпедировала" все попытки реформаторов принять ряд законопроектов по сокращению госрасходов и реформированию налогообложения, поддержала политику нового премьера. Возникли проблески внутривластной стабилизации.

Премьерство С. Степашина (всего лишь 3 месяца) не отмечено сколько-нибудь заметными сдвигами в области экономических реформ. Но с приходом В. Путина — сначала в кресло премьер-министра, а затем и к руководству страной — ситуация стала меняться в позитивном направлении. В начале 2000 г. в стране начали складываться основы **внутриполитической стабильности**, появился центристский парламент, оппозиция потеряла в нем большинство голосов, была укреплена, а точнее, отстроена заново вертикаль федеральной исполнительной власти.

Начался (и довольно быстрыми темпами) экономический рост. Прирост ВВП в 2003 г. составил 7,3%, появилась стабильность рубля, страна активно выплачивает внешний долг, одновременно наращивая свой золотовалютный запас. Рост производства и капиталовложений усилил инвестиционную привлекательность России в мире и более четкими стали перспективы ее развития в будущем.

Смена правительства РФ в марте 2004 г. также была связана с желанием подтолкнуть и ускорить процесс экономических реформ и системной трансформации. На повестку дня поставлены административная и налоговая реформы, сокращение численности министерств, ведомств и государственных чиновников, реформа естественных монополий, более решительная поддержка мелкого и среднего бизнеса, борьба с коррупцией и т. д.

¹ См.: Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России 1998—2002. М., 2003. С. 75.

Тем не менее современный этап экономического развития России характеризуется недостаточной стабильностью роста производства, чрезмерной зависимостью от мировых цен на сырье, недостаточной опорой на внутренний платежеспособный спрос со стороны как населения (потребительские товары), так и производителей (инвестиции). Сказывается и слабость институциональной базы для современных рыночных механизмов (финансово-банковская система, фондовые рынки, государственная политика проведения реформ и т. д.), а также наличие значительных областей экономики, которых рыночные реформы либо вообще не коснулись, либо коснулись лишь в "косметической" форме (ЖСК, естественные монополии, наука и т. д.).

Выводы

1. Реальные экономические реформы в России начались лишь с развалом СССР, после запрета КПСС и отказа от советской экономической модели. Реформы эти идут трудно и противоречиво. Они будут продолжаться еще долгое время.
2. Реальным рыночным реформам в России предшествовало пять попыток экономических реформ в СССР в послевоенный период. Все они не привели к рынку, но порядком расшатали старую советскую нерыночную экономику.
3. Период горбачевской перестройки явился наиболее значимым в подготовке реальных рыночных реформ. Он был связан с разработкой важной законодательной базы для них и появлением первой рыночной программы ("500 дней").
4. Отсутствие теории трансформации от нерыночной к рыночной экономике компенсируется наличием кейнсианской и монетаристской концепций, на базе которых и осуществляются на практике рыночные реформы в разных странах. Россия использует обе концепции.
5. Экономические реформы Гайдара, проведенные в стране в 1992 г., имели как негативные, так и позитивные последствия. Важно, что они принесли в экономику страны новое качество в виде создания рыночной инфраструктуры, развития предпринимательства, появления элементов рыночного механизма.
6. Экономические реформы 1993—1998 гг. под руководством В. Черномырдина замедлились, но продолжались в заданном русле, хотя возникли новые трудности и противоречия. Однако с приходом нового правительства страна вступила в новый этап экономических реформ.
7. Финансовый дефолт в августе 1998 г. был вызван ошибками реформаторов, связанными с чрезмерным увлечением рынком цен-

ных бумаг, влиянием азиатского финансового кризиса и низкими мировыми ценами на нефть и газ.

8. В 1989—1998 гг. начавшееся еще в советские годы падение производства в России в результате трансформации общественной системы усилилось: ВВП сократился на 44%, промышленное производство — в 2 раза, капитальные вложения в народное хозяйство — в 5 раз. Однако начиная с 1999 г. начался подъем российской экономики. За период с 1999 по 2003 г. ВВП страны увеличился на 37%, промышленное производство — на 44, а капитальные вложения — на 60%.
9. В начале XXI в. Россия встала на путь формирования стабильного экономического роста на основе интенсификации производства и научно-технического прогресса.

Термины и понятия

Аренда	Открытость экономики
Банкротство и санация	Первоначальное накопление
Большая приватизация	Планово-распределительная экономика
Двоевластие	Политическая эмансипация
Демократизация	Программа "500 дней"
Денежно-кредитная политика	Промышленная политика
Дерегулирование	Радикалы
Дефолт	Радикальные экономические реформы
Дотирование	Рыночный социализм
Кейнсианство	Самофинансирование
Командно-административная экономика	Структурная перестройка
Конкурентная среда	Субсидирование
Кооператив	Уравниловка
Либерализация цен	Финансовая стабилизация
Макроэкономическая стабилизация	Хозрасчет
Малая приватизация	Ценообразование
Монетаризм	Эволюционисты
Национальная цель	Экономическая свобода
Неплатежи	Экономический механизм

Вопросы и задания для самопроверки

1. Какие предпринимались попытки в бывшем СССР в послевоенный период?
2. В чем суть реформ А. Косыгина?
3. Что дала нашей стране перестройка М. Горбачева?

4. В чем суть программы "500 дней"?
5. В чем суть экономической политики Е. Гайдара?
6. Каковы были положительные и отрицательные последствия экономической политики Е. Гайдара в 1992 г.?
7. В чем суть кейнсианства и монетаризма применительно к экономике переходного периода?
8. Каковы основные направления деятельности правительства В. Черномырдина в области экономических реформ?
9. Оцените состояние экономических реформ в России в настоящее время.
10. Оцените экономическое положение нашей страны в настоящее время.
11. Объясните, почему правительство В. Черномырдина ушло в отставку.

Литература

Гайдар Е. Дни поражений и побед. М., 1996.

Европа и Россия: опыт экономических преобразований. М., 1996.

Стародубровская И., Мау В. Великие революции от Кромвеля до Путина. М., 2002.

Эпоха Ельцина. М., 2001.

Ясин Е. Российская экономика. М., 2002.